

В.И. Хаустова (Москва, Россия)

Рецепция идей Сэмюэля Тейлора Колриджа Эдгаром Алланом По¹

Аннотация: В статье рассматриваются особенности восприятия Э.А. По философских идей и художественного творчества С.Т. Колриджа. По считал Колриджа величайшим поэтом и мыслителем, однако нередко вступал с ним в полемику. Есть основания полагать, что некоторые тексты По написаны под неочевидным влиянием его английского предшественника. В качестве материала выбраны отдельные лирические произведения двух поэтов, а также их критические сочинения.

Ключевые слова: С.Т. Колридж, Э.А. По, рецепция, романтизм

V.I. Khaustova (Moscow, Russia)

Edgar Allan Poe's Reception of the Ideas of Samuel Taylor Coleridge

Abstract: The article regards peculiarities of Edgar Allan Poe's perception of the philosophical ideas and artistic creativity of Samuel Taylor Coleridge. Poe considered Coleridge the greatest poet and philosopher; however, he often engaged into controversy with him. There are some reasons to believe that some of Poe's texts were written under the non-obvious influence of his English predecessor. Several lyrical works of two poets, as well as their critical writings, were chosen to prove this.

Key words: Samuel Taylor Coleridge, Edgar Allan. Poe, reception, Romanticism

Поэтическая теория и творчество Эдгара По (1809–1849) опираются на фундамент романтической эстетики и поэтической практики европейского и американского романтизма. Перед английским поэтом Сэмюэлем Тейлором Колриджем (1772–1834) он преклонялся: «О Кольридже я не могу говорить иначе как благоговейно. Что за могучий интеллект! Какая огромная сила!»² По неоднократно отзывался о Колридже как о человеке, «перед чьим гигантским духом не смогли устоять самые гордые интеллекты Европы»³. Рецепция идей Колриджа у Эдгара По подразумевает переосмысление творческих методов поэта, реинтерпретацию содержания его произведений, всегда являясь своеобразным диалогом с предшественником.

¹ Статья написана по материалам устного доклада, представленного на студенческом Круглом столе, посвященном 250-летию со дня рождения С.Т. Колриджа.

² Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 92.

³ Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. Л.: Худож. лит., 1984. С. 230.

Прежде всего мы сравним философско-эстетические воззрения двух поэтов, а потом перейдем к анализу их текстов, где эти воззрения отражены.

Рассмотрим понятия *воображение* и *фантазия*, сходства и различия в их интерпретации двумя поэтами. Согласно критическому сочинению Колриджа «*Biographia Literaria*» (1817), фантазия скована только чем-то «определенным и отлившимся в устойчивую форму», тогда как воображение безгранично; фантазия, оперируя материалом чувственно воспринимаемого мира, создает произвольные комбинации; воображение преобразует, переплавляет поток ощущений, чувственных образов и понятий в новые модели¹. По, в целом разделяя эстетические взгляды Колриджа и используя эти же термины, тоже считал, что *воображение и фантазия лежат в основе творчества*, однако не видел реального различия между ними. Фантазия, по его мнению, создает не меньше, чем воображение, а в сущности, этого не делает ни то, ни другое, так как человеческий ум не способен вообразить то, чего не существует. В статье «Американские прозаики», опубликованной в начале 1845 г. в «Бродвейском журнале», По заявляет, что воображение, фантазия, фантастическое и юмор состоят из одних и тех же элементов – из «сочетаний» известных явлений и свойств «новизны», но воображение является среди них художником. Из новых сочетаний старых форм, которые ему являются, оно выбирает только гармоническое. Диапазон воображения безграничен, и даже из уродства оно может создать прекрасное². Подобный взгляд на искусство объясняет, почему По, отвергая значимость житейской истины и нравственного долга для эстетики, видит главную цель поэзии в достижении эффекта, смысл которого сводится к эмоционально-психологическому воздействию на *душу* читателя, вызову у него душевного волнения, трепета. Именно поэтому в центре его лирики любовь и смерть – два события, которые, по единодушному мнению романтиков, обладали мощным эмоциональным зарядом. В этом он наследует Колриджу: в «*Biographia Literaria*» Колридж пишет, что поэт *приводит в действие всю душу человека* – акцент сделан на ее психическом воздействии на читателя³. Однако По был убежденным противником поэтической теории Вордсворта и Колриджа, изложенной в предисловии ко второму изданию «Лирических баллад» (1800). Представление о том, что поэт может быть проповедником и учителем, По называл «дидактической ересью»⁴.

Воззрения По на процесс художественного творчества также продолжают рассуждения Колриджа. Если Колридж замечает, что поэт творит «бессознательно», «в необычайном состоянии волнения», «лихорадке ума», то По в эссе «Философия творчества» (1846) иронизирует над подобным видением⁵. Он признает, что иррациональная волна страсти – это первая стадия поэтического творчества, но далее заявляет: «Большинство литераторов, в особенности поэты, предпочитают, чтобы о них думали, будто они сочиняют в некоем порыве высокого безумия, под воздействием экстатической интуиции, и прямо-таки содрогнутся при одной мысли позволить публике заглянуть за кулисы и увидеть, как сложно и грубо работает мысль, бредущая на ощупь; увидеть, как сам автор постигает свою цель только в последний момент; как вполне созревшие плоды фантазии с отчаянием отвер-

¹ Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. С. 230.

² Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 106

³ Колридж С.Т. Избранные труды. М.: Искусство, 1987. С. 103.

⁴ Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. С. 114.

⁵ Красавченко Т.Н. С.Т. Колридж как критик и теоретик литературы // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН. 2018. №44. С. 231.

гаются ввиду невозможности их воплотить; как кропотливо отбирают и отбрасывают; как мучительно делают вымарки и вставки – одним словом, увидеть колеса и шестерни, механизмы для перемены декораций, стремянки и люки, петушки перья, румяна и мушки, которые в девяноста девяти случаях из ста составляют реквизит литературного лицедея»¹.

Таким образом, По усваивает большое количество философских и эстетических терминов благодаря Колриджу, за исключением деталей соглашается с трактовкой понятий *воображение* и *фантазия*, но не признает, что поэт творит *исключительно* в «необычайном состоянии волнения». Он соглашается с Колриджем, что цель поэзии в психологическом ошеломляющем воздействии на душу читателя, но отвергает дидактизм и морализаторство. Последнее особенно очевидно, если сравнивать их художественное творчество.

Долг Колриджу имел гораздо большее значение, чем долг Байрону или Муру, поскольку он касался главным образом стихов зрелых лет По и в немалой степени затрагивал его поэтические воззрения. Однако о непосредственных аллюзиях на его произведения говорить почти не приходится; единственное сходство с Колриджем в поэзии По, которое можно назвать копированием – дословной отсылкой – появляется в одной из строк стихотворения «To Helen»:

Helen, thy beauty is to me
Like those Nicean barks of yore,
That gently, o'er a perfumed sea,
The weary, way-worn wanderer bore
To his own native shore.

(Елена, твоя красота для меня
Как те никейские барки былых времен,
Что нежно над благовонным морем
Несли усталого, изнуренного странника
К его родному берегу.)

(Подстрочник и курсив наши. – В.Х.)

Сравнение из второй строки напоминает о стихотворении Колриджа «Youth and Age»:

This body that does me grievous wrong,
<...>
How lightly then it flashed along,
Like those trim skiffs, unknown of yore...

(Это тело, что приносит мне тяжкие страдания,
<...>

Как же легко оно мелькало тогда,
Как те нарядные неведомые ялики былых времен...)

(Подстрочник и курсив наши. – В.Х.)

Примечательно, что сравнение появляется в схожих контекстах и применяется относительно красоты юного тела.

Есть смысл говорить об общих особенностях стиля, сходстве мотивов и образов, фонетической стороне, музыкальности произведений, но ни в коем случае не о копировании элементов и не о подражании Колриджу. Вполне вероятно, что некоторые сходства произведений По с поэзией Колриджа – результат бессознательного восприятия идей и текстов последнего.

¹ Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 110.

Поэма Колриджа «Кристабель» (1800) повествует о том, как в тихую и благообразную невинную жизнь вошло мистическое зло. Прекрасная женщина – или злой дух – околдовывает ночью юную Кристабель, когда оказывается в ее постели:

A star hath set, a star hath risen,
O Geraldine! since arms of thine
Have been the lovely lady's prison.
O Geraldine! one hour was thine —
Thou'st had thy will!

Кристабель во власти ужасного сна.
Звезда закатилась, взошла звезда.
О, Джеральдина, тот час, когда
Твои объятия стали тюрьмой
Для прелестной леди – тот час был твой!

(Пер. Г. Иванова)

Сюжетные элементы «Кристабели» повторяются в стихотворении По «Спящая» (1831): читатель наблюдает «сон» умершей прекрасной возлюбленной лирического героя, злые призрачные тени в ее комнате.

The lady sleeps! Oh, may her sleep,
Which is enduring, so be deep!
Heaven have her in its sacred keep!
This chamber changed for one more holy,
This bed for one more melancholy,
I pray to God that she may lie
Forever with unopened eye,
While the pale sheeted ghosts go by!

Спит красота! На долгий срок
Пусть будет сон ее глубок!
Молю я Бога, что над нами,
Да с нераскрытыми очами,
Она здесь вековечно спит,
Меж тем как рой теней скользит,
И духи в саванах из дыма
Идут, дрожа, проходят мимо.

(Пер. К.Д. Бальмонта)

Тексты характеризуются общей недосказанностью, незавершенностью, атмосферой тайны. Самые существенные вопросы остаются без ответа: кто такая Джеральдина, почему она пришла к Кристабель, действительно ли она дочь старого друга ее отца или лишь дурачащий всю семью злой дух, вампир? Что именно увидела Кристабель ночью? Почему умерла спящая? Что за тени вокруг нее?

Есть и формальные сходства двух произведений: повествование прерываются риторическими вопросами, обращенными к читателю или к герою. Их функция – очередное указание на недосказанность и таинственность событий, усиление эмоционального воздействия на состояние читателя.

Alas! what ails poor Geraldine?
Why stares she with unsettled eye?
Can she the bodiless dead espy?
Why is thy cheek so wan and wild,
Sir Leoline? <...>

Джеральдина бедная – увы, что с ней?
Почему так странно она глядит,
Или мертвую видит во тьме ночной?
Почему так бледна твоя щека,
Сэр Леолайн?<...>

(«Кристабель»; пер. Г. Иванова)

Ср.:

Oh, lady dear, hast thou no fear?
Why and what art thou dreaming here?
Oh, lady bright! can it be right —
This window open to the night?

Тебя тревоги не гнетут?
О чем и как ты гредишь тут?
О, неги дочь! тут как помочь?
Зачем окно открыто в ночь?

(«Спящая»; пер. К.Д. Бальмонта)

Самое известное стихотворение По «Ворон» (1845) отличается музыкальностью, художественной выразительностью и мистической атмосферой. В основе сюжета этой баллады лежит таинственный визит говорящего ворона к убитому горем молодому человеку, потерявшему свою возлюбленную. В ответ на вопросы, полные отчаяния и надежды, ворон повторяет слово «nevermore» («больше никогда»), чем усугубляет душевные муки героя. По заимствовал ритмику «Ворона» из стихотворения британской поэтессы Элизабет Барретт «Сватовство Леди Джеральдины» («Lady Geraldine's Courtship»), но можно предположить, что «Ворон» был многим обязан традиции литературной баллады вообще и особенностям «Сказания о старом мореходе» Колриджа (1798) в частности. Сосредоточенность на одном трагическом событии, внутренние рифмы, анафоры, частые и ритмичные повторы присущи обоим текстам и призваны сгустить краски, усилить ощущение напряжения, тревоги, тайны у читателя:

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December;
And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
Eagerly I wished the morrow; –vainly I had sought to borrow
From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore

Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
И от каждой вспышки красной тень скользила на ковер.
Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
Облегченье от печали по утраченной Линор,
По святой, что там, в Эдеме ангелы зовут Линор, –
Безыменной здесь с тех пор.

(«Ворон»; пер. М.А. Зенкевича)

And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted – nevermore!

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижимом взлете, словно демон тьмы в дремоте,
И под люстрой, в позолоте, на полу, он тень простер.
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.
Никогда, о, nevermore!

(«Ворон»; пер. М.А. Зенкевича)

Ср.:

The ship drove fast, loud roared the blast,
And southward aye we fled.
And now there came both mist and snow,
And it grew wondrous cold:
And ice, mast-high, came floating by,
As green as emerald.

Корабль летел, а гром гремел,
И плыли мы на юг.
И встретил нас туман и снег
И злые холода,
Как изумруд, на нас плывут
Кругом громады льда.

(«Сказание о старом мореходе»; пер. Н.С. Гумилева)

На содержательном уровне также очевидны сходства. Первое – образ птицы (ворона или альбатроса) – *одновременно гостя и хозяина*, имеющего власть над героем, принадлежащего сразу и реальному, и потустороннему миру; от этого гостя *невозможно избавиться*: либо, как у По, он останется рядом с лирическим героем, либо, как у Колриджа, его *запрещено* убивать. В некотором смысле *вещая птица* играет роль знака судьбы в обоих произведениях. Второе важное сходство этих произведений заключается в том, что оба героя вынуждены находиться в состоянии «жизни после смерти»: они охвачены одной-единственной мыслью и испытывают душевные муки после событий, произошедших с ними.

Однако есть и существенное различие между этими текстами: По, рассказывая о присутствии в реальном мире иррациональной силы зла, разрабатывая мотивы, которые в литературу ввел ранее Колридж, лишает повествование дидактизма, морализма, часто присущих текстам последнего.

Наконец, обратимся к стихотворению По «Город на море» (1845). В нем с использованием общих элементов готической фантастической традиции описан воображаемый город, которым правит олицетворение Смерти. Этот текст можно назвать примером рецепции поэмы «Кубла Хан» Колриджа. Настроение и возвышенный, патетический стиль перекликаются; оба текста насыщены эпитетами (и прежде всего прилагательными). Стихотворные размеры часто меняются, сложными также являются модели рифмовки, в которых комбинируются опоясывающая, смежная и перекрестная рифмы.

Композиционное строение текстов очень похоже, но «Город на море» – это как бы частичный негатив от «Кубла Хан» (частичный, так как не все фрагменты поэмы Колриджа отражены в стихотворении По). Оба стихотворения начинаются с представления правителя, владеющего равно грандиозными, но противоположными по «настроению» царствами:

Lo! Death has reared himself a throne
In a strange city lying alone.

Здесь Смерть себе воздвигла трон,
Здесь город, призрачный, как сон.

(«Город на море»; пер. К.Д. Бальмонта)

In Xanadu did Kubla Khan
A stately pleasure-dome decree...

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан...

(«Кубла Хан»; пер. К.Д. Бальмонта)

Потом следует яркий романтический пейзаж, в центре которого находится водное пространство: бурлящий поток у Колриджа и застывшая угрюмая гладь у По, а затем и описание величественного царства. И там и там можно увидеть сплетение искусственного и природного, но если в тексте Колриджа живое, плодородное, цветущее преобладает и создает абсолютную гармонию с тем, что создано руками человека, то у По читатель наблюдает мрачный безжизненный пейзаж, где даже растения стеклянные, каменные, мраморные:

Up shadowy long-forgotten bowers
Of sculptured ivy and stone flowers –
Up many and many a marvellous shrine
Whose wreathed friezes intertwine
The viol, the violet, and the vine.

Среди изваянных беседок,
Среди растений из камней,
Средь полных смутной мглой беседок,
Где сетью мраморной горят
Фиалки, плющ и виноград.

(«Город на море»; пер. К.Д. Бальмонта)

В конце авторы апеллируют либо к образу рая (Колридж), либо к образам и рая, и ада (По).

But lo, a stir is in the air!

<...>

As if the towers had thrust aside,
In slightly sinking, the dull tide –
As if their tops had feebly given
A void within the filmy *Heaven*.

<...>

And when, amid no earthly moans,
Down, down that town shall settle hence,
Hell, rising from a thousand thrones,
Shall do it reverence.

Но чу! Возникла дрожь в волне!

<...>

Как будто башни, вдруг осев,
Разъяли в море сонный зев, –
Как будто их верхи, впотьмах
Пробел родили в *Небесах*.

<...>

И в час, когда, стена в волне,
Сойдет тот город к глубине,
Прияв его в свою тюрьму,
Восстанет *Ад*, качая тьму,
И весь поклонится ему.

(«Город на море»; пер. К.Д. Бальмонта; курсив наш. – *В.Х.*)

Weave a circle round him thrice,
And close your eyes with holy dread
For he on honey-dew hath fed,
And drunk the milk of *Paradise*.

Пред песнопевцем взор склоните,
И, этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем что он воскормлен медом
И млеко *Рая* напоен!

(«Кубла Хан»; пер. К.Д. Бальмонта; курсив наш. – *В.Х.*)

В заключение подчеркнем, что эстетика, философия и лирика С.Т. Колриджа сильно повлияли на воззрения Э.А. По, однако философия и художественное творчество последнего никогда не были слепым переложением чужих идей, являясь скорее диалогом или даже полемикой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ковалев Ю.В.* Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. Л.: Худож. лит., 1984. 296 с.
Кольридж С.Т. Избранные труды. М.: Искусство, 1987. 347 с.
Красавченко Т.Н. С.Т. Кольридж как критик и теоретик литературы // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН. 2018. №44. С. 220–243.
Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. 464 с.
Campbell K. «The Origins of Poe», The Mind of Poe and Other Studies. N.Y.: Russell & Russell, Inc., 1962. P. 154–162.

REFERENCES

- Kovalev Yu.V. (1984) Edgar Allan Poe. Novelist and Poet: Monograph. Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 296 p.
Coleridge S.T. Selected Works. Moscow. Iskusstvo Publ. 1987. 347 p.
Krasavchenko T.N. S.T. Coleridge as a Critic and Theoretician of Literature. *Literaturovedcheskii Zhurnal*. Moscow. 2018. №44, pp. 220–243.
Aesthetics of American Romanticism. (1977) Moscow. Iskusstvo Publ. 464 p.
Campbell K. (1962) “The Origins of Poe”, The Mind of Poe and Other Studies. N.Y. Russell & Russell, Inc., pp. 154–162.

Сведения об авторе:

Варвара Игоревна Хаустова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Varvara I. Khaustova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
varvarahaustova62@gmail.com